

Юнона Белова

Игрушка жестокого наследника.

Ты запретил мне петь,
но весь зал услышал меня!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

содержит нецензурную брань

Юнона Белова

**Игрушка жестокого наследника.
Ты запретил мне петь, но
весь зал услышал меня!**

«Автор»

2026

Белова Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты запретил мне петь, но весь зал слышал меня! / Ю. Белова — «Автор», 2026

Он назвал меня бездарностью перед всей консерваторией. Глеб, влиятельный сын ректора, мог одним словом лишить меня стипендии, сцены и будущего. Чтобы спасти отца от долгов, я подписала унижительный контракт: теперь мой голос принадлежит ему. Закрытые репетиции, жестокие приказы, угрозы и публичные насмешки должны были сломать меня окончательно. Но Глеб не учёл одного: музыка не терпит цепей. Пока он пытался превратить меня в послушную куклу, рядом оказался человек, который впервые слышал настоящую меня. И когда настанет вечер главного концерта, я выйду на сцену не ради его одобрения. Я спою свою песню. И заставлю всех замолчать. Даже если цена окажется слишком высокой.

© Белова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юнона Белова

Игрушка жестокого наследника.

Ты запретил мне петь, но весь зал услышал меня!

Глава 1

Зал прослушивания пах старым деревом, пылью и страхом. Моим собственным. Я стояла за кулисами, сжимая в потных ладонях нотную тетрадь так, будто это был спасательный круг, а не стопка бумаги. Пальцы онемели от холода — отопление в консерватории сэкономили на студентах из провинции, или просто ненавидели нас всех одинаково. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать полной грудью. «Ты можешь», — шептала я себе, повторяя мантру, которую мама внушала мне годами. Но голос внутри звучал жалко, как скрип двери, которую забыли смазать маслом.

Перед моим выходом раздался звонкий, почти музыкальный смех. Виктория. Она сидела в первом ряду, раскинув ноги в дорожных джинсах, и листала журнал мод, даже не поднимая глаз на сцену. Но когда объявили мою фамилию, она повернула голову. Медленно. С таким выражением лица, словно увидела таракана на белоснежной скатерти.

— Боже, Алиса из Урюпинска наконец-то нашла дорогу к микрофону? — её голос прозвучал чистым контральто, но каждое слово было битым стеклом. — Посмотрите на эту блузку. Она же сшита из занавесок бабушкиного дома. И этот акцент... «привет» вместо «здравствуйте». Мы тут искусство создаём, а не фольклорный кружок посещаем.

Кто-то из студентов за моей спиной хихикнул. Смех был тихим, но острым, как игла. Я сглотнула ком, который встал поперёк горла. Руки дрогнули, страницы тетради зашуршали — звук в абсолютной тишине зала прозвучал как выстрел.

Глеб смотрел на меня. Он восседал за длинным столом комиссии, рядом с ректором, но его поза выдавала истинного хозяина положения. Спина прямая, подбородок чуть приподнят, глаза — серые, холодные, как зимнее небо над Финским заливом. Он не моргал. Его взгляд скользил по мне, оценивая не талант, а уязвимость. Как хищник, изучающий добычу перед прыжком.

— Начинайте, — сказал он. Не спросил. Приказал.

Я вышла на свет софитов. Они обожгли лицо, слепя до боли в глазах. В зале царил ледяная тишина. Вступление арии Верди я пропела, цепляясь взглядом за край пюпитра. Но на подъёме к высокой ноте воздух почему-то не шёл. Диафрагму свело спазмом. Тело предало. Из горла вырвался хриплый, сорванный звук, похожий на крик раненой птицы.

Тишина стала давящей. Потом кто-то закашлялся. Виктория фыркнула, демонстративно доставая зеркальце.

Глеб поднял руку. Одно движение. Резкое, властное.

— Стоп.

Моя голова вздрогнула, как от удара. Я замерла, не понимая, можно ли дышать дальше.

— Вы не умеете держать опору, — произнес Глеб ровным, безразличным тоном. Он не повышал голоса, ему не нужно было. От его слов веяло абсолютной безнадежностью. — Ваша гортань зажата. Дыхание поверхностное. Это не пение, это имитация звука.

— Я... я нервничаю, — пробормотала я. Голос дрожал, ломаясь на высоких частотах.

— Нервничать нельзя, если ты хочешь быть артистом. Здесь нет места для тех, кто боится собственной тени, — отрезал он.

Виктория добавила яду, не отрывая взгляда от своего отражения:

— Может, тебе лучше уйти домой, детка? Не позорить профессию. Там, в твоей деревне, тебя, наверное, считают певицей, потому что других слушать некому.

Смех толпы стал фоном для моего унижения. Краска залила щеки, жгло уши. Я чувствовала себя голой перед сотней глаз, которые сканировали каждую трещину на моей душе. Внутри щелкнул замок ярости. Холодный, жесткий стержень, который я прятала годами под маской робости. Я не заплачу. Ни за что. Не на их радостях.

Молча, не глядя на комиссию, я начала собирать вещи. Тетрадь. Шарф. Сняла туфли, которые были мне малы, и влезла в кроссовки, оставленные у кулис. Каждый жест был медленным, нарочито спокойным. Я игнорировала насмешки, игнорировала шепот за спиной, игнорировала Викторию, которая уже потеряла интерес и вернулась к журналу.

Но когда я достигла двери, ведущей в коридор, голос Глеба остановил меня. Не громко. Почти интимно тихо, но так, что каждый удар сердца отдавался эхом в пустоте зала.

— Алиса. Подожди.

Я обернулась. Все головы в зале повернулись ко мне. Ректор выглядел удивленным. Студенты — любопытными. Виктория — злобной.

Глеб медленно встал. Он обошел стол и направился ко мне. Высокий, худощавый, в идеально сидящем черном костюме, который подчеркивал бледность его кожи. Он остановился в двух шагах, блокируя мне путь к свободе.

— Ты думаешь, что уходишь победителем? Сохраняешь достоинство? — вопросительная интонация была убийственной. — Ты уходишь неудачницей — без стипендии и без будущего. Твои долги за обучение лягут на плечи отца, и ему придется продать дом, чтобы покрыть счета. Тебе это нужно?

Я сжала челюсти так сильно, что заныли зубы. Он знал. Откуда он знал про долги?

— Чего вы хотите? — мой голос звучал хрипло, но твердо.

— Шанса. Для тебя. И развлечения. Для меня.

Он достал из кармана пиджака сложенный листок. Протянул его мне. На бумаге было написано одно слово: Бал.

— Через месяц состоится Зимний Маскарад Академии. Традиционный концерт для меценатов и выпускников. Мне нужна новая солистка для арии из «Макбета». Техника сложная. Эмоциональная нагрузка огромная. Никто из моих курсов не тянет уровень. А ты... у тебя есть «трещиноватый» тембр, который цепляет внимание. Если ты согласишься стать моим личным «подопытным кроликом» на закрытых репетициях, я гарантирую тебе место в классе и полную стипендию. Если откажешь — твоя карьера кончена сегодня. Прямо здесь.

Это была ловушка. Я видела это в его глазах. Там не было милосердия. Был хищный азарт. Желание сломать меня красиво, посмотреть, как далеко можно загнать человека, прежде чем он сломается окончательно.

— Почему я? — спросила я.

— Потому что ты не сломалась сразу. Ты согнулась. А из согнутых деревьев получают лучшие смычки.

Я взяла листок. Бумага была теплой от его руки.

— И какова цена этого «шанса»?

— Полное подчинение моему диктату во время репетиций. Никаких возражений. Никакого права на ошибку. Ты будешь делать то, что я скажу, так, как я скажу. До последней ноты.

В голове шумело. Долги, оставшиеся после смерти матери. Больница отца. Стипендия, которая решала всё. И этот человек, который предлагал сделку с дьяволом ради выживания.

Я посмотрела ему в глаза. В этих серых глубинах вдруг мелькнуло что-то странное. Не презрение. Узнавание.

Глеб наклонился ближе, нарушая личное пространство, и прошептал так тихо, что слышала только я:

— У тебя такой же хрупкий голос, как у Елены Ворониной перед падением.

Имя. Мамина девичья фамилия. Та великая певица, чью карьеру разрушил его отец двадцать лет назад. Та, которую называли предательницей и сумасшедшей. Та, кто умерла в нищете, оставив дочь одну против мира.

Мир качнулся. Воздуха не стало. Он знал. Он всегда знал. Эта травля, эта жестокость — это не случайность. Это месть. Или игра, связанная с тайной прошлого.

Страх смешался с бешенством. Я не игрушка. Я не мстительница. Я просто Алиса.

Но выбор был сделан. Ради мамы. Ради себя. Чтобы узнать правду.

— Я согласна, — сказала я. Слово вырвалось само собой, тяжелое, как камень.

Глеб улыбнулся. Криво. Холодно.

— Правильный выбор.

Он протянул руку для рукопожатия. Я взяла его ладонь. Она была сухой и очень холодной.

Но он не пожал ее. Вместо этого он лишь коснулся моих пальцев своими губами. Легко, почти невесомо, будто проверяя температуру кожи, или пробуя на вкус нашу новую связь. Его дыхание обожгло мою кожу.

— Добро пожаловать в ад, Алиса, — прошептал он, всё ещё удерживая мою руку.

И впервые за весь день мне стало по-настоящему страшно. Не от унижения. Не от стыда. А от осознания того, что я добровольно переступила порог клетки, где тюремщик уже знает все мои слабости.

Глава 2

После прослушивания нас проводили в кабинет ректора оформлять стипендию. Дверь за моей спиной щёлкнула, как замок на гробу. Я стояла посреди ковра с вытертым гербом академии, чувствуя, как холодный пот стекает по позвоночнику под тонкой блузкой. В ушах всё ещё звучала сорванная верхняя нота с прослушивания. Комиссия молчала. Три пары глаз смотрели сквозь меня, будто я была пустым местом, ошибкой в их идеальной симфонии.

Я развернулась к выходу, ноги стали ватными. Нужно было уйти. Просто исчезнуть, пока они не сказали то слово, которое убьёт мою семью финансово. Но путь преградил силуэт Глеба. Он не бежал, не кричал. Он просто шагнул ближе, заполняя собой всё пространство, лишая воздуха. Его тень накрыла меня, тяжелая и удушающая.

— Ты куда собралась, деревенщина? — его голос был тихим, но режущим, как скальпель.

Я попыталась сделать шаг в сторону, но он перехватил мой подбородок. Не грубо, а механически, двумя пальцами заставляя поднять голову. Я дёрнулась, пытаюсь вырваться, но его хватка стала стальным обручем. Мои руки дрожали так сильно, что ногти впивались в ладони до боли. Кричать? Здесь стены были толстыми, а преподаватели делали вид, что рассматривают свои ногти или бумаги. Они слышали всё. Просто никто не собирался вставать.

Глеб склонился к моему уху. От него пахло дорогим парфюмом и чем-то металлическим, холодным.

— У тебя нет выбора, Алиса. Или ты остаёшься здесь, или едешь домой к отцу, который уже считает твои долги. Слышишь? Никто из комиссии не вернёт тебе место в консерватории после такого провала. Кроме меня.

В этот момент дверь скрипнула снова. Виктория вошла в кабинет, словно хозяйка положения. Она уже убрала журнал, но на джинсах всё ещё лежали блёстки с его обложки. Она остановилась, увидев нашу позу, и её губы скривились в презрительной усмешке.

— Глеб, милый, зачем ты возишься с этим мусором? Она же бездарна. Выбрось её. Мне не нужна конкуренция из глухих провинций.

Я сжалась, ожидая удара или приказа уйти. Сердце колотилось где-то в горле. Я чувствовала себя ничтожеством, насекомым под сапогом королевы курса.

Но Глеб даже не повернул головы к Виктории. Его пальцы сжали мой подбородок сильнее, заставляя смотреть только ему в глаза.

— Заткнись, Вика, — произнёс он ровно, без интонации. Это было так шокирующе, что тишина в комнате стала оглушительной. Обычно староста потакал капризам дочери меценатов. А теперь он приказал ей молчать, игнорируя её статус полностью.

Виктория побледнела, открыла рот, чтобы возразить, но наткнулась на его взгляд. Холодный, пустой, уничтожающий. Она отступила назад, хлопнув дверью так, что дрогнули стёкла в рамах.

Глеб разжал пальцы. Я схватила воздух ртом, как рыба на суше. Он достал из кармана пиджака сложенный лист бумаги и бросил его на стол передо мной.

— Читай. Быстро.

Это был контракт. Текст мелкий, юридический, но смысл читался между строк. «Полное подчинение графику тренировок». «Отсутствие права на отказ». И самое страшное: «Обязательное присутствие на всех официальных мероприятиях в качестве спутницы». Рядом с ним. Под его защитой. Как вещь.

— Твой голос сломан, Алиса. Техника отсутствует. Но я могу это исправить, — он говорил буднично, будто обсуждал починку инструмента. — Если согласишься стать моим проектом на балу-маскараде. Исполнишь арию. Идеально.

Я прочитала пункт о куртке. «Студентка обязана носить верхнюю одежду, предоставленную куратором». Это не работа. Это клеймо собственности. Меня будут показывать, как выставочный экспонат.

Моя рука тянулась к ручке, когда в дверном проёме появился Марк. Звукорежиссёр, всегда тихий, вечно с наушниками на шее. Он замер, увидев меня в углу кабинета, с покрасневшим подбородком.

— Алиса? Всё в порядке? — его голос дрогнул. В нём была тревога, искренняя и тёплая, которая резала больнее, чем холод Глеба.

Глеб медленно поднял глаза. Его взгляд стал тяжёлым, как плита.

— Аппаратуру принесёшь потом, — отчеканил он, кивнув на кабели в руках Марка. — Сейчас вон.

Марк задержался в дверях, посмотрел на меня. Я хотела сказать «нет». Хотела крикнуть, что мне нужна помощь. Но страх перед будущим без стипендии, перед нищетой и позором отца перевесил всё остальное. Я отвела взгляд. Марк медленно отступил в коридор, а Глеб проводил его взглядом и усмехнулся. Я слишком хорошо знала эту усмешку: теперь он запомнит имя тихони.

Он пододвинул бумагу ближе.

— Подпиши. Или уходи. Прямо сейчас. Без обратной дороги.

Я смотрела на строку для подписи. Вспомнила лицо матери. Ту, которая тоже пела, пока отец Глеба не разрушил её карьеру, не сломал её дух. Я боялась повторения судьбы. Боялась быть забытой. Бедность же пугала меня сильнее, чем потеря себя.

Ручка скользнула по бумаге. Капля чернил упала рядом с моей фамилией, растекаясь маленьким чёрным пятном. Начало конца моей свободы.

Глеб забрал лист, пробежал глазами и удовлетворённо кивнул. Внезапно его тон изменился. Исчезла агрессия, появилась странная, почти нежная жестокость.

— А теперь. Нота. Та самая. Высокая.

Он встал напротив меня, поднял руки, дирижируя невидимым оркестром.

— Петь.

Я открыла рот. Из горла вырвался хрип. Звук сорвался, сломался, упал вниз.

Глеб ударил ладонью по столу. Резкий хлопок заставил меня вздрогнуть всем телом.

— Ещё раз!

Слёзы жгли глаза. Страх парализовал связки. Я не могла. Я физически не могла дать звук.

Глеб замолчал. Он подошёл вплотную. Его пальцы коснулись моей шеи, поправляя воротник рубашки. Прикосновение было лёгким, почти невесомым, но от него мурашки побежали по коже. Он смотрел мне в глаза, и в его взгляде мелькнуло что-то тёмное, голодное.

— Ты будешь петь красиво, потому что я так сказал. А пока... — он отстранился, проверяя часы на запястье. — Иди в свою комнату. Не смей есть до завтрака. Голод очищает разум.

Это была первая доза его «заботы». Контроль через лишение базовых потребностей. Я кивнула, слишком онемевшая, чтобы спорить, и вышла из кабинета.

Коридор был полон студентов. Слухи летают быстрее света. Они уже знали. Я чувствовала на себе десятки взглядов: любопытных, завистливых, презрительных. Кто-то шептался у кулеров, кто-то делал вид, что не видит меня.

Я шла к лестнице, опустив голову, надеясь стать невидимкой. Но тишина вокруг начала нарастать. Шаги стихали. Смех обрывался.

— Гляди-ка, — громко сказала Виктория, проходя мимо группы первокурсников. Она указала на меня пальцем, как на прокажённую. — Деревенщина получила хозяина. Теперь мы все будем слушать её нытьё.

Толпа хихикнула. Ощущение унижения стало невыносимым. Хотелось убежать, свернуться клубком в темноте.

И тогда позади меня раздались шаги. Потянуло знакомым дорогим парфюмом. Тяжёлая ладонь легла мне на плечо. Не дружески. Собственнически. Давяще.

Глеб остановился рядом, не сказав ни слова. Но одного этого жеста хватило. Толпа мгновенно замолкла. Люди расступились, создавая широкий проход. Виктория побледнела и отвернулась, делая вид, что изучает плакат на стене.

Я стояла, чувствуя вес его руки на своём плече. Это было тепло, но оно обжигало кожу, как раскалённое железо. Студенты смотрели на нас с новым выражением: не жалостью, а страхом. Я перестала быть жертвой буллинга. Я стала частью системы подавления. Монстром вместе с ним.

Глеб убрал руку и скрылся за углом, оставив меня посреди коридора. Тишина вокруг была звенящей.

Я провела пальцами по тому месту на плече, где лежала его ладонь. Там горело.

И самое страшное было не то, что все смотрели на меня с отвращением. А то, что внутри меня что-то тихо засмеялось, потому что я наконец-то была в безопасности... внутри клетки.

Глава 3

Воздух в зале был мёртвым. Не прохладным, не свежим — именно мёртвым, как в морге после вскрытия. Я стояла посреди пустой сцены, и луч софитов резал глаза так, что перед ними плыли тёмные пятна. Глеб сидел в третьем ряду, во мраке зрительного зала, но я чувствовала его взгляд физически: он давил на грудную клетку, заставляя дышать поверхностно, коротко, по-птичьи.

— Ещё раз, — бросил он. Его голос не гремел. Он просто был. Как приговор.

Пытаясь унять дрожь, я сжала кулаки; ногти впились в ладони. Мышцы горла сводило судорогой после трёх часов непрерывных упражнений.

— Я... я уже почти...

— Почти — это слово для неудачников. Ария не терпит «почти». Терпит только идеал или смерть ноты. Вверх. До верхней ноты каденции. Без поддержки. Только ты и тишина.

Я открыла рот. Воздух хлынул внутрь, холодный и колющий. Я начала фразу. Первые такты шли чисто, механически, как отсчитывал метроном в голове. Но когда голос пошёл вверх, к той самой высокой ноте, тело предало меня. Колени подогнулись, диафрагма спазмировалась. Нота сорвалась. Хриплый, жалкий скрип вырвался из моего горла вместо чистого кристалла звука.

Тишина стала оглушающей.

Глеб не крикнул. Не ударил кулаком по подлокотнику. Он медленно поднялся и подошёл к краю сцены. Его лицо было каменной маской, лишённой эмоций, но глаза горели ледяным интересом маньяка, нашедшего новую игрушку.

— Ты дрожишь, Алиса. Холодно?

Он протянул руку и аккуратно, почти нежно, снял с моей шеи шарф. Тот самый, вязаный, тёплый шарф, который мне подарила бабушка перед отъездом. Единственное, что грело меня в этом аду.

— Комфорт расслабляет мышцы, — произнёс он ровным тоном.

И швырнул шарф в металлическое мусорное ведро у стены. Ткань упала с глухим звуком.

— Снимай всё лишнее. Тепло — это слабость. Слабость убивает голос. Петь. Сейчас.

Я смотрела на него, чувствуя, как мурашки пробегают по голой коже шеи. Внутри всё кричало от унижения, но ноги не двигались. Я понимала: если я заплачу, если покажу боль, он добьёт меня окончательно. Если промолчу и спою снова — буду жива. Хотя бы ещё один день.

Дверь в зал скрипнула. Виктория вошла, стуча каблучками по паркету, как по костям. Она остановилась в проходе, скрестив руки на груди, и её лицо расплылось в улыбке акулы, почуявшей кровь.

— О-о-о, какой спектакль! Глеб, ты её совсем загнал? Посмотри на неё, она же трясётся, как осиновый лист. Деревенская девчонка в золотой клетке. Может, ей нужна нянька? Или поводок короче?

Её слова были иглами. Они впились в мои уши, заставляя кровь приливать к лицу. Кулаки сжались так сильно, что ногти врезались в кожу. Хотелось ответить. Хотелось сказать, что она — пустая оболочка, что без папиных денег она никто. Но договор вспыхнул в памяти красным предупреждением: молчание и покорность. Любое проявление агрессии считалось нарушением контракта. Нарушение означало отчисление. Вылет. Конец стипендии. Долги семьи. Всё, от чего я пыталась выбраться.

Я опустила глаза, глотая слёзы. Виктория засмеялась, громко и победно.

— Молчишь? Правильно. Тебе и не положено иметь мнение.

Глеб шагнул между нами. Он не посмотрел на меня. Его взгляд был направлен исключительно на Викторию, и в нём читалось такое презрение, что даже она на секунду замолчала.

— Она не твоя игрушка, Вика, — произнёс Глеб холодно. — Уходи. И не смей переступать порог этого зала без моего приглашения. Это не твоё место силы, Вика. Это моё.

Виктория побледнела, но промолчала. Она развернулась и исчезла в коридоре, хлопнув дверью так, что задрожали стёкла.

Глеб повернулся ко мне. Я ждала оправдания. Ждала слов о том, что он защитил меня. Но он лишь махнул рукой.

— Ложись на пол. Дыхательная практика. Час.

Пол был ледяным. Паркет охлаждал спину через тонкую ткань блузки. Глеб опустился рядом на одно колено, а второе прижал к моему животу, под самым краем рёбер.

— Вдох. Полный. Через нос. Задержку пять секунд. Выдох через рот, тонкой струйкой. И так далее. Пока диафрагма не научится работать сама, а не по твоему капризу.

Боль была адской. Колено давило на рёбра, мешая воздуху войти. Каждое движение грудной клетки отдавало тупым уколом в бок. Минуты тянулись часами. Моё сознание начало плыть. Перед глазами поплыли чёрные круги. Я попыталась сопротивляться, вдохнуть глубже, но лёгкие отказались слушаться. Темнота накрыла меня волной.

Последнее, что я помнила — это холодный блеск глаз Глеба, наблюдающего за моим угасанием.

Очнувшись от того, что кто-то лил воду мне в лицо. Ледяную, студёную воду из бутылки. Я захлебнулась, дёрнулась, кашляя и выплёвывая жидкость.

— Сознание — роскошь для тех, кто умеет держать роту, — прошептал Глеб, склонившись надо мной. Его лицо было очень близко. Я видела расширенные зрачки, влажные губы. — Ты ещё не заслужила права падать. Вставай. Петь.

Он не вызвал врача. Не предложил помощь. Он использовал мою потерю сознания как инструмент тренировки стрессоустойчивости. Это был новый метод. Больше, чем просто жестокость. Это была систематическая ломка личности.

Я встала на дрожащие ноги, вся мокрая, дрожащая от холода и шока. Горло саднило.

— Ещё... ещё одну фразу? — спросила я еле слышно.

— Нет. Хватит на сегодня. Ты выглядишь ничтожно. Это хорошо. Ничтожность дисциплинирует лучше страха. Иди.

Я вышла из зала, не чувствуя под собой ног. Коридор плыл перед глазами, лампы резали по глазам. Как я добралась до второго этажа, потом не помнила.

Туалет на втором этаже пах хлоркой и старыми цветами. Я заперлась в кабинке, опираясь спиной о стену, и позволила себе рухнуть. Слёзы текли рекой, смешиваясь с остатками воды на лице. Я расстегнула блузку и оттянула край майки, проверяя следы давления на рёбрах. Синяки уже проступали, багровые и уродливые, словно клеймо рабыни.

Скрипнула дверь туалета. Шаги. Тишина. Потом тихий голос.

— Алиса?

Я приоткрыла дверь кабинки и вздрогнула, пытаясь запахнуть блузку. Марк.

— Я снаружи услышал, что тебе плохо. Можно войти?

Я кивнула, не сумев ответить. Он остановился у раковины, глядя в зеркало. Его отражение поймало мой взгляд. В зеркале отразилась моя распахнутая блузка. Он видел всё: и синяки, и красные глаза, и то, как я пытаюсь стать невидимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.